

НЕ ОТРЕКАЮТСЯ ЛЮБЯ...

Татьяна Анатольевна ДОГИЛЕВА

Актриса театра и кино, заслуженная артистка России.

Родилась в 1957 г.; с 1978 г. работала в театре им. Ленинского комсомола, с 1985 г. — в Московском театре им. М.Н.Ермоловой.

В числе исполненных ролей: Неля («Жестокие игры»), Катя («Спортивные сцены» 1981 г.); снималась в фильмах «Еще раз про любовь», «Голос», «Забятая мелодия для флейты», «Покровские ворота», «Блондинка за углом», «Прохиндида-2», «Привет, дуралеи» и многих других.

— Действительно ли фильм «Восток-Запад», где Вы блистательно сыграли в паре с Олегом Меньшиковым, Ваша последняя кинематографическая работа? Вы решили покинуть кинематограф навсегда или это Ваше высказывание было просто эмоциональным порывом?

— Нет, так сложилось, я после этого фильма четыре года не снималась, и это не мое было решение, просто у меня не было предложений. Поэтому в течение этого периода, когда я давала интервью и меня спрашивали, почему не снимаюсь, я отвечала, что, возможно, это моя последняя работа и моя жизнь в кинематографе на этом закончится.

— Неужели за все это время не предложили ни одного сценария?

— Вы знаете, не буду врать, сначала вообще ничего не предлагали, то есть просто как выключили. Да. Просто как выключили. Ни одного сценария, ничего. Потом стали появляться буквально единицы какие-то, но совсем дикообразные, к которым я не могла серьезно относиться, не говоря уж о том, чтобы принять во всем этом участие. И поэтому я просто четыре года не снималась ни где и ни в чем. И я для себя решила, что я не киноактриса или киноактриса в прошлом, значит, такая моя судьба. Но тут пошли уже более-менее «съедобные» сценарии, и я решила потихоньку

На съемках нового сериала с Юлией Рудберг

Семья в полном сборе

попробовать, а там, где коготок увяз — всей птичке пропасть. В результате этим летом «влезла» аж в три сериала. Чем это закончится, не знаю.

— Труднее в сериалах сниматься?

— Хотя для меня сериалы новость безусловная, сниматься в них несколько не труднее. Но то, что они к кино никакого отношения не имеют, — абсолютно точно. Это какой-то новый вид занятий. Для меня это очень явно видно. Потому что у меня был буфер промежуточного времени.

— А что за сериалы?

— Один сериал называется «Участок». Даже не знаю, кого тут называть — канал, режиссера, автора? Второй снимался в Питере и имеет рабочее название — «На вираже», которое, скорее всего, заменят. И третий — «Огнеборцы». Я играю дамочек в возрасте: либо покинутых жен, либо сексуально-озабоченных. Меня видят теперь в этом качестве (зарзительно хохочет).

— Кстати, по поводу покинутых жен... Уже долго ходят упорные слухи о том, что Вы с Михаилом Мишиным разводитесь. Это правда?

— Да, действительно, такие слухи ходят давно. Отвечу однозначно: нет, мы не разводимся и разводиться не собираемся.

— Долгое время все были уверены, что Вашим мужем является другой писатель — а именно Григорий Горин...

— Видимо, того, что они оба с бородой, оба евреи и оба писатели-сатирики оказалось достаточно для путаницы. И когда Горина в очередной раз спрашивали: «Как Танечка, как ребенок?» — он уже не сопротивляясь и никому ничего не объясняя, послушно отвечал: «Спасибо, ничего». А когда Гриша умер, то многие мне звонили с соболезнованиями.

— В уже упомянутом фильме «Восток-Запад» роль Саши сыграл Сергей Бодров-младший. Расскажите о Ваших впечатлениях от этой совместной работы.

— Он чудесный был. Это я говорю не потому, что его с нами нет. У меня оста-

лись огромные впечатления. В Сереже было все. Он был очень образован, знал несколько языков: с режиссером Режисом Варнье общался по-французски, свободно владел английским, говорил по-итальянски. Он разбирался в искусстве. Был очень хорошо воспитан. В смысле, вежливый был, интеллигентный и абсолютно свободный, модный, с юмором. Меня всегда поражало, как же нужно воспитывать детей, чтоб получить такой результат. Я не знаю, что для этого надо делать. Он был поистине, ну как сказать, блестящий молодой человек. Я все вкладываю в это понятие. Все. Там была душа, там был интеллект, там была свобода, энергия, разум. Там было движение по жизни.

— В свое время Вы попробовали себя в новом амплуа — в качестве режиссера-постановщика спектакля «Лунный свет, медовый месяц» по пьесе английского драматурга Ноэля Каурада «Частная жизнь». Затем был спектакль «Не отрекаются любя» и совсем новый — «Московские страсти» по пьесе Александра Островского «Не все коту масленица». Какая постановка, по Вашему мнению, далась Вам легче, пригодился ли предыдущий опыт и как принимали зрители эти спектакли?

— «Лунный свет, медовый месяц» я поставила шесть лет назад, третий сезон мы играем «Не отрекаются любя» и второй сезон — «Московские страсти». Надо сказать, что все они дались большой кровью. Конечно, первый опыт оказался

самый ужасающий, было много обвалов, истерик...

— Как Вы вообще решились...

— По глупости. По актерской фоноберии. Потому что я из тех актрис, которые считают, что они умнее любого режиссера (смеется) и что режиссер только мешает и вредит, а сам ничего не понимает. Вот я сейчас возьмусь, поставлю — и мир ахнет. И с такими настроениями я взялась за дело, и поэтому злобные театральные критики, которые писали, что она, дескать, мечтала въехать в режиссуру на белом коне, а случился вон какой жуткий провал, — были абсолютно правы. Я мечтала въехать на белом коне, но ровно две недели от начала занятий этим делом, потому что поняла, что все это ужас, катастрофа, и только три или четыре мгновения удовольствия, все же остальное — административный ад. Тем более что никто ничего не умел — ни я, ни продюсер. Так что я даже сегодня вспоминать об этом не хочу. Честно скажу: Бог просто пожалел меня, не дав помереть за этим занятием.

Но, тем не менее, я очень благодарна первому спектаклю, он живет шестой год при полной востребованности. Я повторю, при полной, чтобы не писали злые критики, но, наверное, они в чем-то были правы, потому что спектакль очень изменился, в том числе и с точки зрения режиссуры. Потом я поставила «Не отрекаются любя». Тоже не хочу сказать, что это было легкой прогулкой. Вообще режиссура на самом деле очень страшное занятие, если судить по тому

нервному истощению, каким-то другим жизненным затратам, которые требует каждая новая постановка. В середине работы над этим спектаклем пришлось поменять одного очень известного актера на другого, и мы все очень нервничали, не зная, что в конечном итоге у нас получится. Но нам сопутствовал успех, во многом благодаря Борису Щербакову. По-моему, это одна из лучших его ролей. Два раза главную роль в спектакле с невероятным успехом сыграла Наташа Гундарева, но неожиданно заболела. А мы не хотели вводить другую актрису, и я стала играть главную роль в надежде на то, что как только Наталья поправится, то сразу займет свое законное место. А мою роль, второго плана, — выпало же такое счастье, — стала играть, на мой взгляд, выдающаяся актриса, великая Екатерина Васильева.

— А как Вы относитесь к тому, что она поставила на себе как актрисе крест и обратилась к Богу?

— Это уже не моя история. С Екатериной Сергеевной я знакома очень давно и всегда ею восхищалась как актрисой. Да, театр, актерство перестали быть главными в ее жизни, но профессия-то осталась. В актерском мастерстве она достигла уже всего того, о чем можно только мечтать. Профессионал, одним словом. Во всяком случае, для меня большое счастье с ней работать не только как с актрисой, но и как с человеком.

— Вы лучше стали понимать сложности рабо-

ты режиссера после того, как сами побывали в этой роли? Изменились ли Ваши отношения с режиссерами, с которыми Вы работаете?

— Да. Я заткнулась (опять хохочет). Никаких амбиций. Пусть даже я вижу, что режиссер совершает ошибку, пусть мне вообще не нравится, что он делает, я молчу. Но надо сказать, что ко мне сейчас никто и не пристаёт. Я выхожу да играю, чего играю. Редко кто чего-нибудь да скажет.

— Вы заканчивали ГИТИС, почему выбор пал именно на него? И расскажите, как Вам удалось поступить туда, ведь тогда конкурс в ГИТИС был просто фантастический?

— Я везде поступала, но меня нигде не брали, только в ГИТИСе взяли. Причем сразу, хотя в других местах я даже с первого тура вылетала.

— Что читали?

— Басню «Стрекоза и муравей», «Разговор двух дам» Гоголя и стихотворение «Отверженная», сейчас даже не помню авторство.

— Кто были Ваши педагоги и как складывались отношения с ними во время учебы?

— Народные артистки России — Евгения Николаевна Козырева и Лидия Николаевна Князева, Татьяна Николаевна Семичева, художественный руководитель — Всеволод Порфирьевич Остальский и главный педагог в моей жизни — Владимир Наумович Левертов. Совершенно изумительный, гениальный человек. Для меня — идеал. Он меня и любил, и вел в профессии и по жизни.

— В пьесе Радзинского «Наш Декамерон», где Вы играли проститутку, режиссер-постановщик этого спектакля Роман Виктюк в одном из интервью говорил о Вашей гениальной игре. Расскажите о судьбе этой пьесы, почему сейчас о ней ничего неизвестно?

— Ну, что вы, очень даже известно. Спасибо, конечно, Виктюку за добрые слова в мой адрес. Он вообще человек восторженный. Эта пьеса Радзинского, которого я считаю выдающимся драматургом, отличается от других его пьес тем, что состоит, к сожалению, из его прозаических рассказов, она очень тяжела, в ней как раз нет драматургической закваски — это проза на сцене. О да, я играла эдакую падшую королеву. Я была тогда молода. Это был для своего времени очень смелый спектакль. Сейчас бы то, что мы тогда показывали и говорили, безусловно, назвали бы детским лепетом. Но спектакль имел ошеломляющий, скандальный успех, он шел несколько лет, пока я не родила дочку и не осталась за сценой.

Актриса Ирина Апексимова долгое время уговаривала Виктюка восстановить спектакль и, в конце концов, даже выступила продюсером ремейка «Нашего Декамерона». Я очень высокого мнения о ней как об актрисе, но игра мне ее не понравилась, да, наверное, и не могла понравиться, потому что за основу был взят мой рисунок роли. Но все равно, как бы то ни было, она молодец, захотела поставить эту пьесу и сыграть в ней и сделала это. Я очень

Два Сергея: Гармаш и Маковецкий — достойный кортеж.

уважаю женщин, которые добиваются поставленной цели.

— В фильме «Афганский излом» у Вашей героини роман с итальянским актером Микеле Плачидо. Какое впечатление этот актер на Вас произвел, легко ли было с ним сниматься? Расскажите, пожалуйста, об этих съемках.

— Вы знаете, у нас вообще не получилось никакого контакта: ни творческого, ни человеческого. Он жил абсолютно отдельно, мы были для него аборигенами. Но это не его вина. Действительно, очень разные миры, разный образ жизни. Конечно, ему было дико. Начнем с того, что как только он прилетел, первое, что с ним произошло — он на смерть отравился, пообедав в ресторане на официальном банкете. После этого еду ему привозили только из Италии. Понимаете, он пил отдельную воду, ел отдельную еду, жил в отдельной гостинице... И в игре тоже самое.

— Не кажется ли Вам, что в профессии актера есть что-то мистическое. Скажем, по ходу фильма героя Игоря Талькова застрелили. То же самое произошло и в жизни артиста. И тому масса примеров. В свое время Валерию Леонтьеву, если не ошибаюсь, предложили сыграть роль Христа, но он отказался...

— И правильно сделал. Я на эту тему даже говорить не хочу. Во всяком случае, я ничего такого играть никогда не буду.

— Что Вас подвигло принять участие в теле-шоу «Последний герой-3»? С Вашей стороны это была авантюра?

— Ну, нет, у меня было горячее желание поехать на необитаемый остров. И все. А дальше уже было полное, так сказать, зомбирование. Дальше тебя влекла уже судьба, а не ты сам.

— Ну, а как Вы отнеслись к тому, что Вам пришлось прыгать с вертолета? Коленки не дрожали?

— Еще в Москве, перед отправкой на остров, меня спросили: «Вы не будете против, если придется прыгнуть с вертолета, это будет низко, метра три». Ну что я, с трех метров не спрыгну, что ли? «Хорошо!» — ответила я. А он не смог опуститься на три метра, но мне уже было все равно. Я мало что в тот момент соображала, поэтому уже не имело значения, сколько метров подо мной. Версии по этому поводу абсолютно разнятся.

— Как Вы переносили все эти тяготы островные? Там же, насколько я понимаю, все происходило в реальности, без каких-либо подстав?

— Я скажу так. Вот сейчас запустили «Последнего героя-4». Я позвонила туда и сказала, возьмите меня хоть кем-нибудь. Они меня не взяли. А меня влечет туда днем и ночью.

— Ну, а кто все время плакал, пять суток не спал, на луну по ночам глядел? Кого к психологу возили?

— Да, ну и что? Все равно. Эта яр-

С дочкой Катей

кость переживаний такова и эмоциональный заряд таков...

— Ну, а что с Даной Борисовой не поделили?

— А Вы, думаете, легко было? Я же не хочу сказать, что это торт. Это не торт, а приключение, которое вообще не предполагает, что ты идешь и все время находишь клады по дороге. Там и трудности подразумеваются. Главное заключается в том, что в результате ты их преодолеваешь. Ну, не знаю, может я и не могу толком объяснить, почему мне туда хочется, но факт остается фактом, что я позвонила и сказала, возьмите хоть кем! Но они не взяли (искренне переживает).

— Вам приходилось играть с такими замечательными актерами, как Миронов, Богатырев, Меньшиков. Испытали ли Вы чувство влюбленности по отношению к своим партнерам во время съемок?

— Без всяких разговоров, но это не-сколько другое, чем прямая влюбленность мужчины в женщину. Это намного ценнее, важнее и таинственнее, чем обычный роман и для меня намного драгоценнее, потому что связано с об-

щим делом, общим стремлением к какому-то невероятно прекрасному результату, который необходимо выдать обоим. И происходит это вне зависимости от того, общаюсь ли я с ними в обыденной жизни или не общаюсь. Это не то, что прямой роман.

— Интересно, а помните ли Вы, кто стоит за этим четверостишьем:

«Может, этою зимой
Нам в Подрезково вернуться,
В снег горячий окунуться
И не ссориться с тобой».

— Это Юрочка Стоянов. У нас с ним был роман на первом семестре первого курса. Я называю этот роман щенячьим...

— Почему?

— Два щенка решили по полной программе поиграть — про что начитались, то и играли. Два активных оболтуса, сошедших с ума на искусстве. Ну, что там могло получиться? Конечно, одно безумие...

— Что бы Вы хотели сыграть в театре или в кинематографе, что осталось нереализованным?

С домашним любимцем котом Ваней

— Очень хотелось бы сыграть Аркадину в «Чайке», очень, но так, как хотелось бы мне сыграть, а не как какому-нибудь другому режиссеру, а такого режиссера я все-таки вряд ли найду. А самой ставить...страшновато.

— В театре сейчас, как режиссер, Вы можете реализовать любую Вашу мечту...

— Это так кажется. Антрепризные спектакли собрать и выпустить на самом деле очень тяжело.

— То есть Вы не относитесь к антрепризе как к какой-нибудь халтуре?

— Скажем, четыре года, это была моя главная работа.

— Не от хорошей жизни...

— Почему не от хорошей жизни, она дала мне очень много. Я благодарна антрепризе, и я считаю ее очень интересным явлением, тем более что это одна из форм выживаемости российского театра, и ее надо исследовать. Сейчас все репертуарные театры берут опыт антрепризы, не забывая ее при этом оплевать. Но идут-то тем же путем. Они приглашают известных артистов, ставят на них спектакли, платят этим артистам денег больше, чем другим, понимаете, то есть они используют опыт антрепризы. Этот способ выживания театра родился сам, изнутри, его никто сверху не придумывал. Я очень благодарна всем продюсерам и актерам, которые сотрудничали со мной. И ненавижу людей, утверждающих, что это халтура. Да и критики с журналистами напустили в этом вопросе немало тумана.

У нас был такой случай, когда мы играли в чудовищном помещении при плохом освещении, стоял жуткий холод, зрители сидели все в пальто, они были очень агрессивно настроены, но мы су-

Свет мой, зеркальце, скажи...

мели перебороть этот недовольный зал и сумели его заставить реагировать так, как надо. Был очень большой успех, и стоя все аплодировали, и все были довольны и счастливы. А потом приходит молодой человек, журналист, и спрашивает: «А теперь скажите честно: халтура это или не халтура», понимаете? Это

очень непростой хлеб, это мое занятие и моя жизнь, и я никогда не позволю, чтобы моя жизнь была халтурой, потому что проживаю я ее один раз.

И вправду говорят — не отрекаются любя: ни от друзей, ни от мечты, ни от своей профессии.

Беседовал Анатолий МАЛЮГИН